

А.А. Тулякова

ЧИТАТЕЛЬ НА РАСПУТЬЕ: «ДУБЛЕТНЫЕ» СЮЖЕТЫ В «КРУГЕ ЧТЕНИЯ» Л.Н. ТОЛСТОГО

Анализируется структура фикциональных «недельных чтений», входящих в состав свода афоризмов «Круг чтения» Л. Толстого, и прослеживается специфика их сюжетной организации. В «недельных чтениях» выявляются дублетные сюжеты, представляющие альтернативные сценарии решения одной и той же «этической ситуации» и позволяющие потенциальному читателю сделать выбор в пользу той или иной стратегии поведения. Подобная альтернатива рассматривается как попытка Толстого отказаться от собственного «Я», что является установкой писателя с начала 1880-х гг.

Ключевые слова: Л. Толстой; «Круг чтения»; «недельные чтения»; дублетные сюжеты; читатель; этика.

«Круг чтения» (1904–1908) – свод мудрых мыслей на каждый день, о составлении которого Л. Толстой задумался еще в 1884 г. [1. С. 557]. В работах, посвященных «Кругу чтения», как правило, анализируются источники и способы заимствования Толстым афоризмов и их трансформация под влиянием мировоззренческих установок писателя [2. С. 24–29; 3], выявляется генезис этих высказываний [4] и их связь с идеологией автора [5. С. 5–20]. Если жанровая природа «Круга чтения» привлекала внимание исследователей [6. С. 55–149], то принципы его структурной организации до сих пор остаются невыясненными, однако именно они позволяют небезосновательно говорить о том, что перед нами сборник текстов, который при всей его гетерогенности обладает собственной поэтикой.

Кроме афоризмов Толстой поместил в «Круг чтения» художественные и публицистические произведения или отрывки из них, получившие название «недельных чтений» и коррелировавшие с темой того дня, который завершали. Объектом нашего исследования станут структура и функция фикциональных «недельных чтений»¹. Используя структурный подход к анализу сюжетов и мотивов, мы покажем, что в шестнадцати «недельных чтениях» из тридцати двух прослеживается одна и та же закономерность, которую мы назвали «бинарной структурой» и выявление которой становится возможным при сопоставительном анализе их сюжетов. Такая форма позволяет углубить понимание «Круга чтения» как текста гибридного, вмещающего в себя подчас взаимоисключающие афоризмы и сюжеты. Для объяснения этих противоречий мы рассматриваем «Круг чтения» в контексте мировоззрения и философии позднего Толстого, корректируя концепцию Ирины Паперно, представленную в ее недавней книге [7].

Исследуя «Круг чтения» и доверяя автохарактеристике самого Толстого, Паперно утверждает, что он, переписывая других авторов, не различает голоса свой и чужой, тем самым его сознание «сливается» с сознанием человечества в лице его мудрецов [Ibid. P. 152–154]. Универсализм «Круга чтения» для Паперно становится ярким примером отказа Толстого от собственного «Я», самости, личности Толстого-автора, к чему он стремился еще с 1880-х гг.

Стоит, однако, заметить, что та форма, в которую Толстой облакает чужие «недельные чтения», связана

с его собственными взглядами. Исправляя тексты стилистически (реже – изменяя сюжет), Толстой вкладывает в них новые, важные для него идеи и тем самым все-таки не сливается с другими авторами, а, напротив, утверждает заново свое первенство над ними, в очередной раз проявляя авторскую волю. В этом смысле автохарактеристику Толстого следует понимать не буквально, но метафорически.

Изучив репертуар тем всех «недельных чтений», мы выявили наиболее частотные и назвали их *этическими ситуациями* (курсив наш. – А.Т.), которые больше всего занимают Толстого и обязательно коррелируют с Евангелием. Каждая этическая ситуация иллюстрируется двумя или тремя примерами-нарративами. Их мы назвали *микросюжетами* (курсив наш. – А.Т.), или дублетными сюжетами, поскольку они представляют разные, альтернативные сценарии решения одной и той же «этической ситуации».

Мы полагаем, что концепция Паперно проясняет в большей степени поздние литературные тексты Толстого вне «Круга чтения», для которых общей будет идея единства людей и их мировоззрения. Это мы можем проследить, например, в переведенных и переработанных Толстым произведениях («Ассирийский царь Асархадон», «Это ты» и др.). «Недельные чтения», представленные в «Круге чтения», воплощают идею общности людей непоследовательно, что объясняется, как мы полагаем, особенностями их структуры. Среди всех этих текстов мы выявили дублеты – в зависимости от «этической ситуации», которой посвящен тот или иной сюжет, и способа ее разрешения.

Поскольку сборник афоризмов мыслился Толстым как назидательный текст, то и «недельные чтения» содержат мораль, но подается она нарративно. Читатель как будто бы должен сам выбрать верный вариант из нескольких рассказанных историй. Это значит, что положенная в основу повествования ситуация может разрешаться по-разному – в пользу или не в пользу героя, т.е. у каждого текста с позитивным финалом имеется текст-«двойник / дублет» с негативным². Положительный финал зависит от возможности героя поступать по христианским законам, влияние которых преображающим образом сказывается не только на самом герое, но и на окружающих его персонажах. Опишем далее все выявленные нами в «недельных чтениях» дублетные сюжеты и заложенные в них «этические ситуации». Для этого мы воспользуемся мето-

дом концептуального пересказа, который позволит сжато и схематично изложить основные сюжетные узлы и повторяющиеся мотивы, а также обозначить в парных «этических ситуациях» как их сходство, так и раздвоение в финале. Первые две ситуации будут объяснены подробно, остальные – более кратко.

1. Преступление: прощение vs. непростение

К «этической ситуации» «преступление» Толстой обращается в «Круге чтения» дважды. В первый раз в рассказе «Уличный торговец» (по Анатолю Франсу) Толстой изображает трагическую судьбу торговца, ошибочно уличенного в оскорблении полицейского. Тот не прощает героя, доводит дело до ареста, вследствие чего Жером Кренкебель оказывается в тюрьме и выходит из нее опустившимся человеком.

В «дублетном» рассказе «Епископ Мириэль» – эпизоде из романа В. Гюго «Отверженные» – епископ прощает ограбившего его Жана Вальжана, что становится этапом его возрождения. В обоих текстах, подвергнутых Толстым стилистической правке, исходная ситуация идентична. Герой совершает необдуманный поступок в погоне за прибылью. Уличный торговец ослушивается приказа полицейского, потому что желает получить плату за проданные овощи, а Жан Вальжан крадет серебро у епископа Мириэля и сбегает. Дальнейшая судьба героев зависит от того, будут ли они прощены «пострадавшими» – т.е. полицейским, который в словах торговца услышал оскорбление в свой адрес, и епископом, из чьего дома пропало серебро.

«Этической ситуацией» в этом случае будет ситуация преступления, в которой есть преступник и пострадавший, микросюжеты – прощение и непростение.

2. Насилие: сострадающий взгляд ребенка vs. взгляд взрослого

Исходной «этической ситуацией» для сопоставляемых текстов будет наказание провинившегося человека. В первом случае ребенок бессилен перед равнодушными взрослыми, исполняющими свой долг, во втором его слезы спасают не только отца, но и толпу, от совершения необдуманного поступка.

В рассказе Вавиловой «Первое горе» использован толстовский прием «остранения»: мальчик, привязавшийся к осужденному за конокрадство крестьянину, не понимает причин, по которым люди наказывают его друга. Сцена плача ребенка манифестирует его бунт против жестоких законов взрослых, их логики насилия, по Толстому, не имеющего под собой морального основания. В финале рассказа страдание ребенка остается почти незамеченным: крестьянина Игната арестовывают, его жена просит семью Гриши позаботиться о воспитании их дочери. Хотя такая концовка предсказуема, читатель понимает, что правда на стороне ребенка.

В переработанном Толстым рассказе Гюго «Сила детства» мы также наблюдаем слезы ребенка, которые спасают человека от казни. Сын героя, приговоренного к смерти, выбегает из толпы и бежит к отцу. Толпа, до этого требовавшая казни, начинает сочувствовать горю мальчика и решает отпустить преступни-

ка. Освобожденный берет сына на руки и убегает. В этом тексте слезы и страдание мальчика ставятся выше человеческих предрассудков и, как следствие, – выше закона, потому что существует другой закон – праведный, апеллирующий к «естественному чувству». С точки зрения Толстого, им нужно руководствоваться в первую очередь.

«Этической ситуацией» этих сюжетов выступает наказание преступника на глазах у ребенка, микросюжетами – отклик на детское страдание и полное равнодушие к нему.

3. Смерть близкого человека: деятельное смирение vs. несмирение

Сюжет о смирении реализуется Толстым также в двух текстах. В одном из них – рассказе «Молитва» – речь идет о нежелании матери смириться со смертью единственного сына. Она видит сон, в котором ее служанка Матреша предстает в виде ангела и показывает матери будущее ее ребенка, когда он, уже старик, ведет несправедливую жизнь. Не подвергая сомнению аргументы Матрешы, мать, тем не менее, не хочет понять, как случилось, что Бог забирает у нее сына.

В дублетном тексте «Бедные люди» (по В. Гюго) жена рыбака берет к себе детей умершей соседки, несмотря на бедственную и тяжелую жизнь собственной семьи. Когда ее муж возвращается с рыбной ловли, она сообщает ему, что подруга мертва и от нее остались двое маленьких детей. Он предлагает забрать их, еще не зная, что дети в их доме.

Сюжет о внезапной смерти близкого человека является сюжетной ситуацией текстов, а его реализация – деятельное смирение перед смертью и ее неприятие.

4. Образ жизни: отказ от благ vs. сохранение неравенства

В переложении легенды о Будде Толстой повествует о пути юноши к мудрости. Герой наблюдает три процесса (болезнь, старость и смерть), о которых ничего не знал ранее, после чего решает оставить двор и посвятить себя религии. Чужое горе приводит его к самосовершенствованию.

В «дублетной» этой легенде статье «Неужели так надо?» Толстой изображает труд шахтеров, вынужденных тяжким трудом зарабатывать хлеб, и проезжающих мимо веселых господ, наблюдающих за происходящим, но не испытывающих по отношению к рабочим ни жалости, ни сочувствия. Социальную иерархию и несправедливое распределение жизненных благ они воспринимают как должное.

«Этическая ситуация» текстов – контраст богатства и бедности, микросюжеты – отказ от него в пользу подлинно христианского образа жизни и полное равнодушие к ним при сохранении своего социального статуса.

5. Спор о вере: равенство религий vs. религиозный конфликт

В «Архангеле Гаврииле» Толстой утверждает, что религиозная принадлежность человека не играет

определяющей роли в вопросе веры. В комплементарной этому рассказу «Суратской кофейне» герои спорят о приоритете одного вероисповедания перед другим. Толстой дает понять, что религиозная полемика ведет к конфликту и разрозненности людей, что противоречит идее человеколюбия и единения, важной для любой религии.

«Этическая ситуация» – разница в вероисповедании, микросюжеты – равенство всех религий в вопросе веры и религиозный конфликт.

6. Суд: отрицание суда vs. легитимность

В отредактированном Толстым рассказе Лескова «Воров сын» герой отказывается судить людей, потому что сам был сыном вора, впоследствии прощенным благородными людьми и воспитанным ими в лучших традициях. В ситуации выбора между божеским судом и человеческим предпочтением, по Толстому, следует отдать первому.

Дублетный текст, «Суд над Сократом», разоблачает несправедливость государственного суда, при котором виновными оказываются люди, не совершившие преступления, каким и явился Сократ, осудивший себя сам.

«Этическая ситуация» суда раскрывается в двух микросюжетах – его справедливости и несправедливости.

7. Труд: крестьянское трудолюбие vs. барская праздность

Рассказ «Зерно с куриное яйцо» повествует о праведном труде крестьян, которые собирали хороший урожай, потому что были трудолюбивы. Со временем ситуация изменилась – люди стали меньше заботиться о возвращении зерна, из-за чего исчезли крупные зерна, необходимые для поддержания жизни многих людей.

В рассказе «Ягоды» мы, напротив, наблюдаем веселую трудовую жизнь крестьянских детей, которая подается Толстым на контрасте с жизнью дворянской семьи, где главной заботой становится вопрос о пиццеварении и стуле младенца.

«Этической ситуацией» в этом случае будет ситуация труда, микросюжеты – крестьянский труд и дворянская праздность.

8. Жизненная трагедия: смирение vs. гордыня

Рассказы «За что?» и «Божеское и человеческое» принадлежат Толстому. В первом речь идет о герое и героине, полюбивших друг друга и решивших бежать с каторги. Побег почти удался, но их поймали и сослали повторно. Счастье оказывается невозможным, героиня ропщет и не понимает, за что им приходится страдать.

«Божеское и человеческое» рассказывает о молодом человеке, осужденном за оппозиционные идеи и пытавшемся принять скорую смерть. Светлое лицо юноши во время казни видит старик и решает узнать у однокашника этого юноши, как тому удалось до-

биться просветления перед собственной кончиной. Старик эта истина недоступна.

Герои двух рассказов по-разному реагируют на случившееся с ними несчастье: первые не принимают своей участи, а потому продолжают страдать, юноша смиряется с наказанием и, как следствие, обретает вечный покой еще до казни.

Описанные ситуации и сюжеты, их иллюстрирующие, позволяют объяснить, в каком направлении шла мысль Толстого, когда он работал над наполнением «Круга чтения» очень разными типами текстов. Прежде всего, негативный финал таких сюжетов, как правило, связан с ошибкой героя, которая приводит к роковым последствиям не только для самого персонажа, но и для тех, на кого неверное действие было направлено. Благополучный исход событий также соответствующим образом влияет на окружающих. Так, в «недельных чтениях», построенных по определенной схеме, мы наблюдаем, что в основе сюжета часто лежит мотив преумножения (кумуляции) добра или зла, когда они не являются статичными и расширяются, захватывая все большее пространство и скальваясь на судьбах других персонажей (прием, в чистом виде представленный в «Фальшивом купоне») [8. С. 180–259].

Таким образом, в пределах «Круга чтения» писатель предоставляет читателю выбор из двух возможностей – выбор не широкий, но примечательный. Потенциальный (идеальный) читатель книги при сквозном ее прочтении, очевидно, должен был заметить тематические переключки между дублетными сюжетами, которые были разнесены по разным неделям. Обнаружив единство ситуации, читатель мог сделать за альтернативным развитием сюжета и догадаться, какая из развязок является нравственно приемлемой для Толстого. При этом сама мораль в готовом виде читателю не дана, поскольку она «запакована» в фикциональные тексты (а не только афоризмы), пусть и достаточно однозначные, но все же требующие от читателя навыков интерпретации авторской позиции.

Как известно, в педагогических статьях писатель всегда осуждал навязчивое повторение, заучивание наизусть и зубрежку, поэтому можно говорить, что уже в том, каким образом Толстой подает «недельные чтения», заключается незначительный, но все же своеобразный элемент свободного выбора.

Похожую, но далеко не идентичную, структуру можно встретить в «Азбуке», написанной для детей и состоящей, как показали Ю.К. Щеглов и А.К. Жолковский [9. С. 29–30], из инвариантных сюжетно-тематических блоков, структура которых следующая: 1) мирная жизнь; 2) катастрофа; 3) неадекватная деятельность; 4) спасительная акция; 5) возвращенный покой). В «Круге чтения», который играет роль азбуки для взрослых, подобная структура в текстах «недельных чтений» не вычленилась, потому что они имеют другую, более прихотливо устроенную поэтику. Если в текстах публицистических Толстой продолжает выступать ригористом и критикует многие аспекты современного ему социального и политического строя, то в литературных текстах «Круга чтения», где речь в основном идет об этике, он менее

категоричен. Бинарная структура «недельных чтений», их дублетные сюжеты ослабляют идеологический напор.

Парадокс «Круга чтения» заключается в том, что Толстой, конечно же, позиционирует собственную мораль как единственно верную, однако инсценирует перед читателем ситуацию морального выбора – на уровне нарративов пытается показать, какая из стратегий поведения предпочтительнее и каковы последствия выбора героев того или иного пути. Читатель выбирает из двух вариантов, и хотя истина в конечном итоге будет заключаться в христианском поведении, альтернатива смягчает прежнюю категоричность писателя.

«Круг чтения» оказался не первым текстом, в котором Толстой прибегает к вариативности сюжета. В этом отношении уместно вспомнить повесть «Дьявол» (1889), а также драму «Власть тьмы» (1886), четвертое действие которой печаталось в двух редакциях, что было санкционировано самим Толстым для издательства «Посредник».

В 90-томном собрании сочинений «Дьявол» помещается в разделе «Неоконченное», и, хотя мы не знаем, какой финал в конечном итоге предпочел бы Толстой (в первую публикацию 1911 г. были включены оба), в свете нашей проблемы важно, что он мыслит финал повести бинарно. Оба его варианта предлагают альтернативные решения судьбы героя, которые, однако, можно трактовать в обоих случаях как негативные с точки зрения христианской морали, потому что речь идет об убийстве и самоубийстве.

Сюжет повести восходит к действительной истории жизни и смерти тульского судебного следователя Фридрихса. Через три месяца после женитьбы на девушке своего круга он застрелил крестьянку Степаниду, прежнюю возлюбленную, а через два месяца его самого нашли раздавленным поездом. Повесть имеет два финала. В первом варианте герой Евгений Иртенев стреляет в себя, во втором – убивает Степаниду также выстрелом из револьвера. В конце апреля 1890 г. Толстой, размышляя о повести, пишет: «Думал за это время о повести Фридрихса. Перед самоубийством раздвоение: хочу я или не хочу? Не хочу, вижу весь ужас, и вдруг она в красной паневе, и все забыто. Кто хочет, кто не хочет? Где я? Страдание в раздвоении, и от этого отчаяние и самоубийство» [10. С. 716].

В драме «Власть тьмы» четвертое действие имеет две редакции, отличающиеся способом подачи кульминационного события – убийства младенца. В первой из них изображается убийство ребенка с точки зрения самих убийц – Никитки, его матери Матрены и жены Анисьи, во втором читатель наблюдает за происходящим через реакцию девочки Анютки, которая беседует со стариком Митричем и параллельно приговаривается к тому, что происходит в погребке.

И хотя в «Дьяволе» и во «Власти тьмы» альтернативные финалы не противопоставлены друг другу с точки зрения морального императива, они показательны как примеры-дублеты, которые Толстой использует, чтобы спрогнозировать будущее героев (в первом случае) и дать оценку их поступкам с разных точек зрения (во втором случае). Такая альтерна-

тивность также предполагает воздействие на читателя, а варианты финалов – лишь форма, при помощи которой автор хочет продемонстрировать итоги неправедной жизни героев. Можно предположить, что, используя формулу «двоящегося», расширяющегося зла и оценив ее суггестивность, в «недельных чтениях» Толстой упрощает ее и осмысляет в виде антитезы верного или неверного сценария – бинарной структуры сюжетов. Объяснение такого упрощения может быть двояким. С одной стороны, «Круг чтения» как текст дидактический предполагает наличие отчетливых оппозиций, а с другой – ориентируясь на широкую аудиторию, Толстой расставляет акценты таким образом, чтобы мораль, заложенная в текстах, однозначно прочитывалась в том числе неискушенным, даже необразованным читателем.

Обращение к дублетным сюжетам, предполагающим позитивное или негативное разрешение «этической ситуации», было связано, как мы считаем, с глубинным самоощущением Толстого, его этической доктриной, в разные годы формулируемой по-разному. Внутреннее противоречие Толстого [11], определяемое им самим в 1870-е гг. как борьба между добром и злом, – одна из главных этических проблем, которая тревожила писателя и которую он пытался разрешить на протяжении всей жизни. В дневниках и записных книжках писателя мы находим многочисленные высказывания, которые свидетельствуют о дихотомии его внутреннего мира³.

Однако в позднем творчестве раздвоение между добром и злом приобретает для Толстого иной смысл. Теперь оно связывается с вопросом об истинном знании и заблуждении, которые определяют поведение человека и его выбор в той или иной этической ситуации.

«Моя двойственность. То я поутру и ночью истинно мудрый и хороший человек, то я – слабое, жалкое существо, не знающее, что с собой делать. Разница в том, что первое – настоящее, а во втором состоянии я знаю, что я в тумане заблуждений» [13. С. 178].

«Круг чтения», который можно воспринимать как один из итоговых текстов Толстого, наследует тот же прием раздвоения, который особенно ярко проявляется в позднем периоде его деятельности.

Перерабатывая чужие тексты, Толстой не «сливается», а лишь ситуативно солидаризируется со взглядами мыслителей, чьи имена возникают в «Круге чтения» (в том числе тех, чьи взгляды Толстой в прошлом не принимал – например Ницше). Можно предположить, что отобранные для «недельных чтений» тексты не нуждались в сильной «идеологической» правке, поскольку уже изначально подбирались писателем с ориентацией на тот или иной тип сюжета.

Таким образом, реализуя свою ключевую идею о терпимости к чужому мировоззрению и о духовном единстве людей с различными взглядами и образом жизни (ср. рассказ «Это ты»), Толстой в самой форме «Круга чтения» пытается преодолеть собственное авторское «Я», ослабляя категоричность этических суждений. Несмотря на это, как мы показали, он все же манифестирует свою писательскую и редакторскую ипостась через дублетные сюжеты, которые предоставляют читателю выбор в той или иной пове-

денческой ситуации. На первый взгляд кажется, что в возможности выбора, а не постулировании единственно верного решения, и будет заключаться отказ Толстого от «Я», однако структура сюжетов показывает, что правда в конечном счете остается за тем, что в христианскую мораль вписывается. В этом, несомненно, прослеживается опосредованное воздействие Толстого на читателя и пусть прикрытое, но все же утверждение собственной позиции, подкрепленной

авторитетом Евангелия. Можно думать, что «Круг чтения» – компиляция текстов разной жанровой природы (афоризмов, художественной прозы, публицистики), но обнаруженные дублетные сюжеты показывают, что сама структура «Круга чтения» имеет фикциональную природу, следовательно, Толстой по-прежнему проявляет себя как автор, который оказывается не в состоянии преодолеть собственное писательское «Я».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Дублет «Неужели так надо?» для текста «Будда» был взят нами из публицистических «недельных чтений». И хотя комментаторы юбилейного собрания сочинений определили жанр «Будды» как «статья», мы отнесли его к фикциональным текстам в силу ярко выраженного сюжета.

² Подобная неоднородность, как было отмечено ранее, может прослеживаться и на уровне некоторых афоризмов, соотнесенных с темой одного дня. Например, 10 сентября посвящено теме совести и включает в себя следующие мудрые мысли: «Указания совести безошибочны, когда они требуют от нас не утверждения своей животной личности, а жертвы ею» и «Человек, живущий для тела, может заблудиться в запутанных лабиринтах созерцательной или чувственной жизни, но душа всегда безошибочно знает истину (Люси Малори)». Сопоставление с другими афоризмами этого дня приводит к выводу, что понятия «совесть» и «душа» подаются здесь Толстым как синонимичные. В то время как второй афоризм трактует безошибочность душевной истины как абсолют по отношению к «чувственной жизни», первый подвергает этот абсолют сомнению, поскольку содержит условие его реализации – «жертва... животной личностью». Один афоризм не исключает другого, однако при сходстве содержания мы наблюдаем различную его подачу, что в контексте одного дня может гипотетически восприниматься как внутреннее противоречие.

³ См., например, дневниковую запись от 2 июня 1878 г.: «Что значит и зачем то раздвоение – добра и зла, которые я чувствую в себе?» [12. С. 188].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / ред. коллегия: Н.К. Гудзий, Н.Н. Гусев, Н.К. Пиксанов и др. М., 1957. Т. 42.
2. Кавацца А. «Круг чтения» Л.Н. Толстого // Русская речь. 1988. № 6.
3. Карлик Н.А. «Круг чтения» Л.Н. Толстого : дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
4. Толстой Л.Н. Круг чтения / сост., вступ. ст. А.Н. Николюкина : в 2 т. М., 1991.
5. Гродецкая А.Г. «Ищи же истину – она этого хочет» : [предисл.] // Толстой Л.Н. Мысли мудрых людей на каждый день. СПб., 2012.
6. Карлик Н.А. Афористика Л.Н. Толстого: сборник мудрых мыслей «Круг чтения» : монография. СПб., 2012.
7. Paperno I. «Who, what am I?»: Tolstoy struggles to narrate the self. Ithaca ; London, 2014.
8. Реформатский А.А. Структура сюжета у Толстого // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1987.
9. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Ex ungue leonem. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М., 2016.
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / ред. коллегия: Н.К. Гудзий, Н.Н. Гусев, Н.К. Пиксанов и др. М., 1936. Т. 27.
11. Густафсон Р. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб., 2003.
12. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / ред. коллегия: Н.К. Гудзий, Н.Н. Гусев, Н.К. Пиксанов и др. М., 1952. Т. 48.
13. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / ред. коллегия: Н.К. Гудзий, Н.Н. Гусев, Н.К. Пиксанов и др. М., 1937. Т. 55.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 марта 2018 г.

A READER AT THE CROSSROADS: “BINARY” PLOTS IN LEO TOLSTOY’S *A CIRCLE OF READING*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 39–44.

DOI: 10.17223/15617793/430/5

Anastasia A. Tulyakova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: anastasia.tulyakova93@gmail.com

Keywords: L. Tolstoy; *A Circle of Reading*; “weekly readings”; binary plots; reader; ethics.

The article aims to explore the structure and poetics of the late collection of aphorisms *A Circle of Reading* written by Leo Tolstoy in 1904–1908. On the basis of the ideologically important fictional parts of the book, the so-called “weekly readings”, the author proves that the collection, despite its heterogeneity, has its own poetics. Using the structural approach to the analysis of plots and motifs, the study has revealed a certain plot pattern in the sixteen of the 32 “weekly readings”. The pattern consists in pairs of structurally and thematically similar but semantically different plots. Such a form, which can be called a “binary structure” and whose identification becomes possible by the comparative analysis of the plots, allows deepening our understanding of *A Circle of Reading* as a hybrid text that contains mutually exclusive aphorisms and plots. To explain these contradictions, the author considers *A Circle of Reading* in the context of Tolstoy’s views and philosophy. The discovered tendency is closely related to the most relevant principle of Tolstoy’s late works, the intention to abandon the writer’s self, which Tolstoy did not accomplish completely. Using Irina Paperno’s idea that Tolstoy’s authoritative voice in *A Circle of Reading* was balanced by the voices of the wise men and their aphorisms as a reference point, the author argues that “weekly readings” not so much demonstrate the idea of a community of people and their shared outlook, but, on the contrary, increase the influence of the author’s personality on the reader through the doublet structure of “weekly readings”. The idea of mental and social solidarity is typical for Tolstoy’s later literary texts, but the “weekly readings” in *A Circle of Reading* subvert this tendency, so that the idea of community is embodied there inconsistently. The author concludes that this attitude towards the reader’s involvement (according to it, the reader has the opportunity to observe the alternative development of the plot and to decide which of the outcomes is the most acceptable from the moral point of view) softens Tolstoy’s previous categorically expressed ethics. At the same time, the structure of the binary plots shows that the preferable behaviour is connected with the evangelical precepts. This pattern enables Tolstoy to influence the reader and impose his authoritative stance, however, indirectly. Although Tolstoy provides the reader with a relative freedom of choice, he nevertheless manifests the author’s power by reference to Christian morality, which is stressed in one of the binary plots. Ultimately, the fictional plots being part of the generically heteroge-

neous book *A Circle of Reading* show that Tolstoy still positions himself as an author who, despite his attempts to abandon the writer's self in the 1890s, is not yet ready to overcome it.

REFERENCES

1. Tolstoy, L.N. (1957) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols]. Vol. 42. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Kavatsa, A. (1988) "Krug chteniya" L.N. Tolstogo ["A Circle of Reading" by L.N. Tolstoy]. *Russkaya rech'*. 6.
3. Karlik, N.A. (1998) "Krug chteniya" L.N. Tolstogo ["A Circle of Reading" by L.N. Tolstoy]. Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Tolstoy, L.N. (1991) *Krug chteniya: v 2 t.* [A Circle of Reading: in 2 vols]. Moscow: Politizdat.
5. Grodetskaya, A.G. (2012) "Ishchi zhe istinu – ona etogo khochet": [predisl.] ["Look for the truth – it wants it": [foreword]]. In: Tolstoy, L.N. *Mysli mudrykh lyudey na kazhdy den'* [Wise Thoughts for Every Day]. St. Petersburg: Lenizdat.
6. Karlik, N.A. (2012) *Aforistika L.N. Tolstogo: sbornik mudrykh mysley "Krug chteniya"* [Aphoristics of Leo Tolstoy: a collection of wise thoughts "A Circle of Reading"]. St. Petersburg: GPA.
7. Paperno, I. (2014) "Who, what am I?": *Tolstoy struggles to narrate the self*. Ithaca; London: Cornell University Press.
8. Reformatskiy, A.A. (1987) *Struktura syuzheta u Tolstogo* [The structure of the plot in Tolstoy]. In: Reformatskiy, A.A. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow: Nauka.
9. Zholkovskiy, A.K. & Shcheglov, Yu.K. (2016) *Ex ungue leonem. Detskie rasskazy L. Tolstogo i poetika vyrazitel'nosti* [Ex ungue leonem. Children's stories by L. Tolstoy and the poetics of expressiveness]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Tolstoy, L.N. (1936) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols]. Vol. 27. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
11. Gustafson, R. (2003) *Obital' i Chuzhak. Teologiya i khudozhestvennoe tvorchestvo L'va Tolstogo* [The Inhabitant and the Stranger. Theology and artistic creativity of Leo Tolstoy]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
12. Tolstoy, L.N. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols]. Vol. 48. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
13. Tolstoy, L.N. (1937) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols]. Vol. 55. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Received: 14 March 2018